

ИГОРЬ СОКОЛОВ



ВЕЛИКОЙ ТАЙНОЙ
СВЕТИТСЯ ЛЮБОВЬ

Игорь Павлович Соколов

Великой тайной светится любовь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060489
ISBN 9785447414474*

Аннотация

В сборник стихотворений вошли избранные стихи поэта Игоря Соколова о любви, о Боге, о смерти и о бессмертии, о Мироздании и о Космосе. Особая проникновенность, чувственная эманация влюбленности позволяют проникнуть гораздо дальше за пределы существующего Космоса и понять, что Любовь является главной и созидательной энергией любой жизни, любой человеческой души...

Содержание

I	6
II	8
III	9
IV	11
V	13
VI	14
VII	16
VIII	18
IX	19
X	21
XI	23
XII	25
XIII	27
XIV	29
XV	31
XVI	33
XVII	35
XVIII	37
XIX	38
XX	40
XXI	43
XXII	45
XXIII	47

XXIV	49
XXV	50
XXVI	51
XXVII	52
XXVIII	53
XXIX	54
XXX	56
XXXI	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Великой тайной
светится любовь
Игорь Соколов**

© Игорь Соколов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Я очень близко находился к краю,
За которым исчезает жизнь моя
И видел, как надежды быстро тают
И снов безбрежных истекает Пустота...

Но даже там, в холодном вечном мраке
Откуда-то рождалась Красота,
Невидимые тени слились в прахе,
Обвив собой поверхности креста...

Я будто в зеркале увидел жизнь за краем, —
Она не исчезала никуда,
А только в тень мгновенно превращаясь,
Тьмой образов плыла в других годах...

И эти годы над землею как глубины
Вселенских океанов и ветров,
Рисую в небе вечные картины,
Великой Тайной светится Любовь,
Соединяя все лишь по одной причине,
Чтоб все живое проникало через кровь...
Одним безумием спасенный,
И вознесенный в небеса,
Я – лирик, страстью пораженный,

В потемках слышу голоса...

II

Пусть в сладких шепотах все девы
Мой рот закроют на замок,
А я, бросаюсь в пламя тела,
Раскроюсь словно страстный Бог...

Растаю в нежных томных лонах,
Слезой небесной оботрись,
И старцем дряхлым изможденным
Почую собственную грусть...

Пусть жизнь прочтется будто книга
И оборвутся все листы,
Звезда из сладостного мига
Вернет другим мои мечты...

И все, что в сердце остается, —
Во тьме, в таинственных лучах
В Луне раскроет снова Солнце,
Листая наш прожитый прах...

III

Кто я? Где я? – Я не знаю...
И в забвении молчит моя душа,
Лишь от Греции в безумии стеная,
Мифы льются в дымке миража...

Перед Грецией висит одно молчанье,
Племена сидят вокруг костров,
Обитанье... одичанье... обмиранье...
Где Бессмертья вечный кров?!...

Кровь стекает быстро с сухожилий,
Кости предки сразу обсосут,
Если б Боги с ними вместе жили,
Хотя б легендами украшен был приют...

Но дитя зверев, росло на камне
И на камне же соитие нашлось,
Одна Греция легендой сладкой манит,
Обнимая мира сказочную ось...

9 Муз даны как совершенство,
И Любовь из лона вечной Афродиты,
Хмельного Диониса верховенство,
За пьянкой с танцами долги давно забыты...

От шумного народного собрания
Вновь тиран спешит занять свой трон,
Древний мир несет нам узнаванье, —
Кто и как, зачем писал закон...

Как и тогда за правду убивали,
С каким блаженством пил смертельный яд Сократ,
Царство Лжи уже тогда создали,
Как коллекцию начавшихся утрат...

Смертен мир, увы, Ничто не вечно,
Боги снова крутят колесо,
Создавая вместе с нами бесконечно
Наше общее безмолвное кино...

IV

Я оказался в городе как в склепе,
Все были живы, но в душе уже мертвы
И только тени ангелов на небе
Пролетали вместе с шепотом листвы...
Я жил в каком-то диком небоскребе,
В нем девы отдавались по часам
За деньги, что лежали в их утробе
Младенцем призрачным бродящим по лесам...
Крестов и плит, могил давно забытых,
Ненужных никому во тьме из снов,
Где капля горечи была, как яд пролита
И мир лишился внутренних основ...

Весь глупый и пустой, и очень жалкий
Одной толпой бегущий человек
Уже века лежал на вечной свалке,
Безмолвный как прожитый им же век...
Лишь Одиссей один из древности светился
И было ясно, почему свою семью
Он покидал, в морях плывя без смысла,
Лишь тихо напевая: Ай лав ю...
И плакала седая Пенелопа,
Встретив снова на причале старика,
Сто лет без мужа провозилась вся Европа,

Рождая с войнами лишь в мыслях жениха...

Столетние младенцы на покое
Давно благоухают мертвым сном,
Я рад бы исключить в себе плохое
И думать лишь о веке золотом,
Который здесь мыслителям являлся
Из галереи самых светлых мечт
И с дьявольской улыбкой святотатца,
Хранящим очередь таких же дивных встреч...
Вот и мне во тьме привиделось пространство
И сладостная нежность женских сфер,
Лишенная тепла и постоянства,
Как изворотливость тоскующих химер...

Я в городе как в склепе очутился,
Между собой общались только мертвецы,
Везде обозначая страстно числа,
Связуя жизни странные концы...
Конец Истории лежит в ее начале,
Я – архивариус всех прожитых времен,
В страницах желтых ощущаю смысл печали, —
Здесь каждый словом и рожден, и погребен...
И лишь в экране компа блик от тени,
И слово, потерявшее свой смысл,
Человек, его застывшее мгновенье, —
Уравнение кем-то взятых вечных числ...

V

Какой-то светлый ангел был на небе,
Бродили по полю безумные слепцы
И в душе один безумный трепет
Сводил с началом бранные концы...
И странный призрак вдруг вставал из гроба,
Один в сентябрьской ночи,
И дева юная, дрожа вся от озноба,
Пыталась меня нежностью лечить...
Я отдавал ей по часам свою тревогу
О том, что было и давно прошло,
Я находил в ней вечную дорогу
И самое печальное тепло...
Я сотни лет лежал в ее утробе
Младенцем принявшим всем сердцем небеса,
Сбежавшим навсегда из смертных оргий,
Чтоб только ангелам оставить голоса...

VI

Улыбка ангелов, детей всегда влюбленных,
Достающих светлым оком небеса,
По всей Вселенной кружат свои волны,
Их теплой нежностью окутаны леса...

Под каждым деревом в траве или в овражке
Происходит чудо из чудес,
Будто двое наглотались бражки
Для того, чтоб их похитил дивный бес...

Проникая с жадностью друг в друга,
Вдруг вопит весь город над землей,
Похищен пламенем чудовищного круга
И я безумным зверем здесь с тобой...

Действуй милая, трудись прекрасным телом,
Выпуская пар блаженства из ноздрей,
Пока земля в тоске не околела,
Взлетай под небеса со мной бодрей...

Тьму книг прочел и все равно убожество
Во мне мне не дает осмыслить мир,
Мой сладкий зверь, я ощущаю тождество
Двух голосов летящих сквозь ночной эфир...

Внутри души одно бескрайнее столетие,
Кто взвесил нас с тобою на весах,
Создав живое ощущение Бессмертия,
Оставив Тайну нам слезами на глазах...

VII

Есть в страстном нежном притяженье
Волна, что силой нас сомкнет
В одно безумное мгновенье,
Пронзив собою тьму высот...

И я однажды был с тобою
На удивительном холме,
Осетр тек тонкою рекою,
В лесах теряясь, в их листве...

Зацвел ковыль и стало видно,
Что холм большая голова
И мы на ней срослись молитвой,
Соединив навек тела...

И речь, что Тайну обрела,
Уже в молчании покоя
Несла забвение святое,
Как от волшебного тепла...

Плыла невидимая лодка
По небу с песнями Любви,
Одна волнующая нотка
Вдруг обрела лицо Земли...

VIII

Таким как я, – не слава, а забвенье
Создаст в душе свой сказочный приют,
Я слишком долго привыкал к терпенью,
Друзей улыбки получать за труд...

Чтоб осознать, что никакая слава
Нам не заменит нежную любовь,
Любая мелочь иль какая-то забава
В далеком прошлом растворится вновь...

А люди, как побыли, так исчезнут,
Поэтов вечно слышит только Бог,
Прислушиваясь к нашим сладким безднам
И подводя безумию итог...

Он может быть, строку мою подправит,
Чтоб в ней раскрылся тут же яркий смысл,
Привязанный к безумию, не к славе,
Одной лишь Тайной окружая мою жизнь...

IX

Я там и тут, – живу и не живу,
Рождаюсь заново и снова умираю,
Я возникаю, ощущая вечный бунт
Вселенной, что с рождения страдает,
Едва баюкая несчастнейших детей...

Страх осознания делящийся за краем
Нас претворяет в ткань таинственных идей,
Светящихся заоблачным незнанием,
Как будто сам Творец мне говорит: Владей,
Но только Жизнью и со Смертью, что изранит...

Я не согласен с этим, заново рожден,
Я роюсь в памяти как в прошлом умиранье,
Пытаясь вычислить нас создающий сон
С неизменной слепотою обладанья...
Я Вечностью как девой похищен,
Окутан старостью безумного познания,
Вдруг прохожу насквозь весь небосклон
И вижу Землю, окруженную сияньем
Невидимых и бесконечных волн,
Рисующих в нас грешные деянья...
Как тьму молекул в океане мегатонн...

Схватись, попробуй, за невидимый рисунок,
За линию чарующей Судьбы,
Ты тот, который уже умер,
Не выдержав невидимой борьбы...
Опутан Вечностью, Безмолвием и Тайной,
Как крошка в коконе просящая Творца
Дать полетать над Неизвестностью бескрайней,
Вдруг изничтожив саму формулу Конца...

Х

Я нарисую точку из двух линий,
Поставлю крест на самой вечной тьме
И небосклон чуть розовато-синий
Придет из сна гореть отчаянно во мне...

Вот мое прошлое, а рядом настоящее,
Грядущее заранее молчит,
Судьба любого, кто здесь был, — пропащая, —
Чертит круги неведомых орбит...

Остановить движение силой разума
Уже пытается безумный человек,
Но молчит его сознание ясное
В тумане летоисчисления прошлых рек...

Я был, или не был?! — предок спрашивал
за предком,
Но кто из них припомнил вдруг Творца,
Кто извлек пустыню с диким ветром,
Соединив и два кольца, и два конца...

Реальность режется как хрупкая бумага,
Из дырки смотрит новый небосклон,
Между живущими одна сплошная драка,

Так как же доказать, что жизнь не сон?!...

Неужто Смерть – момент стирания из тела
Тех мыслей, что рождает благодать,
Чтоб все другое просто онемело
На время, перестав везде летать...

В прах съезжившись, заснули человечки,
А я брожу один в глухом лесу,
Лишь вдаль плывут из темной речки
Тени в свой невидимый сосуд...

Везде одна безумная бескрайность,
Растаявшая нежность пылких встреч,
Я ощущаю в мраке шепот Тайны
И продолжаю тени прошлого беречь...

XI

Я нужен только себе,
Но себе я не нужен,
Что сделать мне,
Чтоб мир этот принял меня...
И нужен ли он,
Если ему я не нужен,
Зачем мне лететь
В безрассудную пропасть огня?!...

Бывали дни пострашнее,
Безжалостней хуже,
Когда моя жизнь не имела
Любви и цены,
Когда я бродил вдалеке,
Ступая по лужам
Собственных слез,
Привыкая к облику тьмы...

Что сделал я,
Почему не создал в жизни счастья?!
Почему не верил людям и даже себе,
Лишая сознание силы и мудрости власти,
Почему бессмысленно плавал в безумной
борьбе?!...

Однако и те, кто создали свое подобие счастья,
Исчезли как тени в одной бесконечной реке,
Как звери – рабы безжалостных мук
 сладострастья,
Лишь я в одиночестве таял один – налегке...

Я нужен только себе,
Но себе я не нужен,
Не сделать мне этот мир
Посветлей и добрей,
Я сплю, и вряд ли буду
Кем-то разбужен,
Неужто я оказался
Всех смертных хитрей?!...

XII

Когда твоя психика вдруг угадала реальность
И момент бытия с твоей мыслью внезапно совпал,
И ты ощутил, что есть какая-то крайность,
Ступив за которую, ты обнаружишь астрал...
Тебе ясновидцу стало как-то хреново,
Телепатически ты, проникая в людей,
Не ощущал в этом умысла злого,
Но в душе возник конфликт из странных идей...

Идея стать совершенным, великим,
прекрасным, —
Вскоре сама по себе покой обрела,
В невидимой связи вещей, в пространстве и времени
счастье
Обретало лишь форму оргазма, взрывая тела...
Так реально уже подтвержденный другими
телами,
Прочитав мысли женщин и получив свой оргазм,
Ты спасенье искал со священником в храме
И вдруг его мысли прочел, — у ребенка маразм...

И как ошпаренный выскочил тут же из храма,
Неся в себе унижение, боль, дикий страх,
Что в разуме есть какая-то страшная яма,

Куда летит все, превращаясь в невидимый прах...

Однажды готовность стать свидетелем чуда
Тебя уже в жизни когда-то лишала тепла,
Ты в горы с девчонкой полез, задумав, как Будда,
Постигнуть тайны Вселенной, лишив ее Зла...

В то время как девчонку украсила б нежность,
И только в объятиях жарких она бы счастливой была,
Но ты, увлекаясь познанием, спал безмятежно
И сослепу просто не видел, куда ее блажь увела...

Так трагедия чувственных сил заключенная в мире,
Нас лишает друг друга, неведомый поиск ведя,
Даже предки умершие шепчут порою в эфире,
Дотронувшись до нас слезами ночного дождя...
А мы вовлеченные в тайную сферу, все бродим,
Как будто бы скоро свой образ счастья найдем
И вместе с ним чудесно растаем в природе,
Войдя навсегда в один нас сближающий дом...

XIII

Материализация мысли, увиденной мною во сне
И тут же растворенная в реальности,
Собой напомнила мне деву захмелевшую,
Ночью съевшую меня всем естеством...

И когда я подумал, – возникла она
И своей глубиною съела меня...

Я вдруг плотью ее оживился, восстал
И сверкать из нее стал как будто кристалл...
Обнимая могилы немой пьедестал,
Со мною закат был безумен и ал...

Ветром листьям сказалась
Мысль о сказке с тобой,
Сердце жить постаралось,
Ведя с Вечностью бой...

Я лежал на могилке
Среди моря цветов,
В лоне сладостной милки
С Тайны сорван покров...

Материализация мысли, увиденной мною во сне,

Привела к ощущению жизни в самой таинственной
тьме...

Ты была, — и я снова подумал, —
И ты снова оттуда пришла, —
Из нас нарисован рисунок,
Выводящий из вечного сна...

XIV

Ищу одной свободы в государстве,
От собственного крика весь дрожу,
Луч совести, вот, нежное лекарство,
Я смыслом Вечной Тайны дорожу...

Хоть понимаю, он изжит веками
И слезою грустной сброшен в тьме,
Мы щуримся ослепшими глазами,
Привыкая жить в обмане, как во сне...

Люди что-то скажут на прощанье,
Помолятся и водочки попьют,
Несчастный мир земного увяданья,
Пропавший одиночества приют...

Вокзал давно промчавшихся мечтаний,
Поезда моей исчезнувшей Любви,
Как горек плод твоих скитаний,
Звезда уже пропала в тьме Земли...

Я с каждым разом становлюсь все мельче,
Постоянно ненавижим сам собой,
Ищу Любовь одну – здесь – вечно
И с человечеством веду незримый бой...

Но отчего-то мое странное восстанье
Стихает ночью под речной волной,
Где живо еще наше обладанье
И умиранье под безумною луной...

XV

Моя печаль как отблеск наслажденья,
Причина вянья души моей из тела,
Во тьме волшебной ты себя раздела,
Со мной соединяясь в осмысленье...

И пусть с тобою нас уже не будет,
И твоего лица в пропавшем свете,
Никто из бывших прежде не осудит
Огонь в крови, пожар в самой планете...

Так я в тебе блуждаю точно ветер
И твое лоно опыляю как цветок,
Нектар твою пью, и, попадая в сети,
Вдруг в облаках парю уже как Бог...

И тут же ощущаю в сердце зависть
К тебе одной лишь потому, что одинок,
Я без тебя, будто душа без тела,
Ищу опять то место, где созрела
Моя печаль просящая меж ног
Ощутить с тобой бывшее восхождение
И там, где в небесах грохочет рок,
И прошлое спускается в смущенье,
И плод созревший испускает сок...

Вращаясь вокруг темного рожденья,
Где Смерти смысл я из себя исторг
Как будто муку перевоплощенья,
Хоть раз один я быть тобою мог...
Восторг познал сады твои и ризы,
В купели божьей крошкою дитя,
Самоубийцы бродят по карнизам,
Фанаты носятся как мысли очертя...

Весь путь – смещения огня и грязи,
Воды и воздуха на краешке волны
И вопль прорвавшийся в экстазе,
Как Образ проступающий сквозь сны...

Так я в Тебе, а Ты во мне созрела,
Как травы сквозь себя мы проросли,
Лишь на мгновенье отделив от тела
Безумие полночной тишины...

XVI

Во власти чудных лон, их нежной страсти
Не я один искал в них свое счастье,
Всем стадом мы бежали к стаду дев,
От весеннего цветенья ошалев...

И под любым кустом, и в темноте подъезда
Уста с устами тешились любезно,
Лишь отзывались сладким трепетом уста,
Как попадали мы в заветные места...

А дальше – больше, мы – уже рабы
Ума лишаящей таинственной Любви,
И ласково всем миром долго тонем
В волшебном оживляющем нас лоне...

Кто волшебством твердь напоил, чтобы влюблялась
Любая тварь, ее съедающая жалость
Не знает, где кончается край света,
Дрожит в безумном шепоте планета...

И от рожденья жалит смертных в их сердца,
Соединяя звезды с обликом лица,
Так в вечном пламени Вселенная летит
К другой Вселенной из своих орбит...

XVII

Кто спрашивает дев об их согласье,
Когда нас голод страсти рвет на части
И мы в их лона залетаем пулей,
Ослепленные безумной схваткой бури...

А после тишина, покой, дыхание,
Прелестных дев чудесное сиянье,
Лежащие под дланью у владыки,
Мы как зверьки в душе храним лишь миги...

В них упоенно яростно живем,
Ища лишь в девах свой волшебный дом,
Но иной из нас через полвека
Уже пропойца, идиот или калека...

Увы, так короток сиянья нежный миг,
Что нам на память остается лишь язык,
Чтоб разъяснить потомкам в завершение,
Что Любовь – расстройство разума в забвенье...

Что страсть пройдет и старость изотрет
Портрет, в котором зарождался славный род,
Но юным старческие хрипы, бормотанья
Не заменят яркий трепет обладанья...

Поэтому рожденный в Красоте,
Человек рискует, как и все,
И вновь умалишенный и влюбленный,
Он ищет только сладостное лоно,
Им наслаждаясь, забавляясь как игрушкой,
Он вскоре станет сам зверьком послушным
И также в послушанье он умрет,
Одною страстью продлевая весь народ...

XVIII

Сознавая ничтожность свою, я себя не жалею...
Я в себе ощутил неудачный опыт Творца...
И лишь радость моя, волшебный образ Психеи,
Из дев возникал, ослепляя красою лица...

Я безумствовал в жизни и в лона нежные рвался,
Будто желая свой слепок оставить земле,
Как мерцание звезд и кружение вечного вальса,
И дрожание тел в самой сладостной мгле...

Но вот век мой прошел, и вместо меня покрывало
Каменной тканью прикрыло остров надежд,
Из-за чего вдруг сияние лета пропало
И мы вышли из тел, как из самых прекрасных одежд?!...

XIX

*Посвящается Публию Овидию Назону,
Джонатану Свифту, Шарлю Бодлеру, Генри
Миллеру, Владимиру Набокову и всем поэтам,
и писателям, которые подвергались в прошлом,
и подвергаются в настоящем гонениям или
судилищу за свои
литературные произведения*

Я нарушил сочетание слов
И применил ненормативный корень,
Но к судилищу совсем был не готов,
Хоть мне и раньше по колено было море...

Я видел, как иные люди лгут
И говорят красиво, убивая,
Как с наслаждением устраивают суд,
Порок чужой, клеймя, изобличая...

Я на собраниях в прошлом не сидел,
Но видел массы, жаждущих возмездья —
За обнажение иных прекрасных тел —
Инквизиторы готовили сожжение...

Для всех, кто вдруг свободы захотел, —
Идеи оглашались в усмиренье,

Но, слава Богу, я остался цел
И с нежной девою в своем уединенье...

Одну Любовь лишь оценить сумел
За Тайну Вечную и страсть к перевоплощениям...
Раз шар земной в грехах уже горел,
То и мне бы помогло его горенье...

Найти безумным соплеменникам удел —
Стирать моралью страстные мгновенья
И уклоняться от летящих в сердце стрел,
Оставаясь при себе безгрешной тенью...

Отделяя строго зерна от плевел,
Чтоб избежало общество растленья, —
Поэт вдруг превратился сразу в цель,
А мир в одно аморфное растенье...

XX

Смысл был, но что с ним стало после? —
Никто из нас поживших здесь не помнит...
Не то, чтоб мы все камнем-мохом заросли,
Мы иногда выходим из земли...

Глядим на свет, но ничего не видим,
В своем полупрозрачном прошлом виде...
А Смысл он был, раз все здесь как-то жили,
Существовали, разгорались и остыли...

Орали, просто плакали, дрались,
Мы, кажется, увидели, что жизнь —
Игра в какой-то вечный хаос,
Такая мысль однажды к нам прокралась...

Мы напились, поспорили и сникли,
В своих гробах мы к тишине уже привыкли...
Вы что-то ходите, зачем-то там идете,
На небо рветесь в призрачном полете...

Но все пройдет, и этот год, и этот род,
Придет другой непомнящий народ...
И будет также он в любви соединяться,
Провозглашая заблужденья святотатца...

Земная ось не сможет поломаться,
Но водной гладью может разливаться,
Стирая след всех наших бывших лет,
Здесь растворится под дождем любой портрет...

Любая грань из камня и бетона,
Любая строчка устаревшего закона,
Любое счастье замершего лона,
Любого крика, просто полутона...

Полифония бешеных приветствий
Рождает век сплошных несоответствий...
Был ты или я, не все ли равно, кто был?! —
Ты смысл забыл, и я его забыл...

И океан за нами грязь собою смыл,
Чтоб нарождался кто-то, набираясь сил...
Смысл будет, был, что будет после, —
Мы все приходим к Смыслу просто в гости...

Прикидываем часто, — что к чему,
Прикладываясь к вечному письму,
Мы пишем, это нас еще бодрит,
Ведь мы в письме теряем всякий стыд...

Воображаем даже то, что и не знаем,
Бежим куда угодно, словно к раю...
А на краю невидимой вершины

Нас ждет Творец без видимой причины...

Мы чувствуем, что это Он один
Мгновения и судеб господин...
Стирает нас как числа на бумаге,
А мы все рвемся и в неистовой отваге...

Пытаемся прорваться через Космос,
К месту, где нет старого погоста,
Где все бессмертны, счастливы спокойно,
Имеют Смысл прожить себя достойно...

Переплавляясь, просто исчезая,
Своей Любовью Вечность украшая...

XXI

Я ничего как будто не хотел,
Хотя душа моя жила, стеная,
Привлеченная дыханьем страстных тел,
Она томилась как безумная Даная,
Истерзана огнем лукавых стрел,
Брела вслепую грусть моя земная,
И я не мог сдержать в руках всех дел,
Мне существом своим открылась даль иная...

Я видел, что живу совсем не так,
Как я хотел, иль как хотело тело,
Моя душа меня совсем не грела,
Но с удивлением разглядывая мрак,
И во Вселенной ощущая ее жерло,
Я в лоне страстном оказавшись наг,
Вдруг делал все, чтоб блажь моя кипела,
И рассудку уже был я злейший враг...

Кто привязал меня к объятию и к лону,
Кто растворил собою мысль мою,
Кто вожделением с томленьем изможденным
Меня впустил в скучающую тьму?!...
Я рисовал убранство юных женщин,
Я в них пускал животворящий сок,

Облюбовав пыланьем сеть незримых трещин,
Я Землю убаюкал словно Бог...

Но к старости очнувшись пред метелью
И разглядев преданья бывших стран,
И не сумев найти мелодии свирелью,
Я был пронзен печалью горьких ран...
Я здесь лежал изломанным побегом,
Коснувшись памятью ночующих небес,
Был убелен уже опавшим снегом,
Хоть и дрожал во мне умалишенный бес...

Под пыткой мыслей повторяющих движенья
И сладость юных любопытных уст,
Я лишь на миг вернулся в прошлое сожженье,
Ибо большей частью был прожит и пуст...
И словно памятник отбросивший забвенье,
Я жил тобой навеки излечась,
Пришло мое прощальное мгновенье,
Дышала трепетом безмолвная свеча...

XXII

Чокнутый, – весь мир и его люди,
То молятся, то яростно грешат,
То ли еще с нами будет, —
Сладкий рай иль мерзкий ад...

Кнопочку нажмешь, – и наслажденье,
Другую давишь, – пропасть, мрак,
Город – лабиринт и наважденье,
Хитросплетение безумнейших атак...

Тьма голодных любопытных женщин,
Миллиарды опрокинутых в постель,
Исчезающие всюду деньги, вещи,
Обозначенная стрелкой манит цель...

Часы идут, но вряд ли кто-то видит,
Что они всегда для нас стоят,
Жизнь как океан для нежных мидий,
Рожденье – Смерть, рассвет, всегда, – закат...

Я видел всех, кто, проплывая мимо,
Вопил от страсти познанных чудес,
Но в наличии была лишь пантомима,
Над Тайной Вечною вздымался темный лес...

И все в нем таяли, и также растворялись,
Как в тьме Аида сонм героев и богов,
Орфея с Эвридикой светит жалость,
Но исчезает в дымке промелькнувших слов...

Любовь, любовь, – кусты, постель ли, лоно,
Ощущаемая ночью нежность чад,
До судорог сжимает всех влюбленных,
И вместе с ними растворяет светлый сад...

Ветер, ветер, – голос, жалобчонка
О том, что все сбежало без следа,
И ты, моя прелестная девчонка,
Сорвалась листочком, смылась навсегда...

Ау, Безумие, я очень много вижу
И ненавижу эти мертвые цветы,
На могилах ощущение Смерти ближе,
Уже как ангелы парят вдали мечты...

XXIII

Когда раздался взрыв непослушанья
И люди все сошли с ума,
И стали вдруг крушить все Мирозданье,
Будто на прочность, проверяя и себя...
И область сна, где зарождение желанья
И видимость того, что нет тебя
Никак не сложится с движением сознания,
Плывущего в безбрежные края
Из самой яркой вспышки обладанья,
Где существует радость лишь моя,
Обретшая безумное восстанье,
Истоки разума и токи бытия...

Я был невидим никому, я отрешился,
Я просто притворился мертвецом,
Чтоб разыскать в исчезновенье смысла
То, что связано с Началом и с Концом...
Возникновения Начало не имеет, —
Уже Платона голос прозвучал,
Рене Декарта странная идея, —
Человек — машина, сам себя создал...
Сбываются все мысли и желанья,
Но все смывается, и прошлые года
Отзываются лишь сном воспоминанья,

Чтоб растревожить нас во тьме хоть иногда...

О, женщина одна живая Тайна
Меня с тобой связала навсегда,
Пусть и почувствовал, что это все случайно,
И все в случайностях растает без следа...
Я целовал тебя в предчувствии несчастья,
Я ощущал потоки времени-пространств
И тихо бредил в сумерках ненастья
Забвением других пропавших Царств...
Так на песке развеянных скелетов
Мы обнимали сладостную плоть,
Едва ли ощущая тень портретов,
Лежащих с нами, чтоб рассудок побороть...

О, Бог, ты был невидим, но так близок,
Как нас зовущая в безмолвье пустота,
Самоубийце вдруг упавшему с карниза
К тебе прорваться хочется сюда...
К месту, что мы чувствуем, не видя,
Блуждая по теченью мертвых снов,
Мы в любом из всех предложенных развитии
Ощущаем сердцем вечную Любовь...
И это лишь надежду в нас вселяет,
И это лишь зовет опять туда,
В рисунок представляемого рая,
Где вместо нас журчит забвением вода...

XXIV

Я помню день в безумно яркой чаще,
Твой райский облик при закате на лугу,
Твои уста всех ягод летних слаще,
Из памяти как Вечность извлеку...

Как мы от счастья сладостно дрожали
И проливали друг на друга нежный свет,
Волшебный свет таинственный печали
Вместе с тобой храню я много лет...

Пусть мы давно друг друга мучить перестали
И с нами того счастья больше нет,
Я достаю из-под загадочной вуали
Твой единственный заоблачный портрет...

И провожу по небесам в слезах руками,
Словно по прелестным волосам,
Твой образ у меня уже украли
Года, в которых я растаял сам...

XXV

Мы очутились в брошенных пейзажах
Безумно откровенных звезд,
Взаимным стоном был мираж украшен,
Мы заблудились в окончанье грез...
Мир тоже нами кинут без сомнений
И мы едва ли ощущаем вход куда,
Ведет во тьму, в лихое царство тени,
Где из мгновений сотканы года?!...

Лежат уже обрывком преступлений,
Чей мотив не больше муравья,
В чьем теле поселился мудрый гений,
Чтобы подслушать в чаще соловья,
Когда он с девой уплывет из наслаждений,
Чтоб перестать уже допрашивать себя...

XXVI

Нас убивают каждый день и каждый час,
Нас много, – мы друг с другом в вечно споре
И очень часто чей-то спор нам дарит горе,
Вырываясь грозным пламенем из глаз...

Кресты на память возникают на просторе,
Чтоб мы помнили, что мы живем лишь раз,
Что бьемся мы волнами в страшном море,
Неся в себе свой разрушительный экстаз...

XXVII

Мир превращений не имеет ценности,
Мы превращаемся друг в друга без конца,
Словно пытаюсь убежать от бренности,
Как от собственного странного лица...

Вглядишься в зеркало, а там твоё воззрение
Зовёт тебя уже во тьму назад,
В какой-то степени в иное превращение,
Где из нас готовят новый город-сад...

Я посещал уснувших в старом кладбище,
Я видел тех, с кем раньше близко жил,
Я окликал в душе ушедшего товарища,
Но лишь молчание бежало из души...

И только Бог один молчал таинственно,
Глубокий вздох отдав ночным ветрам,
А я пылал во тьме с одной единственной,
Все небо ощущая точно храм...

XXVIII

Свет от Любви твоей попал мне прямо в сердце,
Из сердца в землю, где цветок расцвел,
А из цветка на небо ринулось созвездье,
Окружая нежным лоном голый ствол...

И только тьма, где прячется возмездье,
Где я в предчувствии свой страх земной обрел,
Рисовала путь к другой безумной бездне,
Соединяя нас навеки в яркий дол...

XXIX

Нам не дано судьбы предугать... А сон не сон... Везде и плюс, и минус...

Добро и зло... Как свет и тьма... Как мудрость... глупость... Смерть... Бессмертье...

Везде одного с другим сплетает узел и обращает нас в людей или в зверей...

Ведя эксперимент — везде — по кругу... Как тьму связавшихся между собой задач...

Но кто связал, имеет ключ к Бессмертью... И к превращению жизни в вечный сон...

Он развернул над нами небосклон... Направил луч светящийся Любовью...

Любовь перевернула нашу жизнь... Она ее в блаженство превратила...

И ослепила нас уже навек... Дрожа в безумии и в сладостном безверье...

Обратно круг движенья не свернуть... Ведь в нем и заключается вся суть...

Вот отчего к творенью нет у нас доверья... Как, впрочем, и к самим себе...

Мы плывущие куда-то в Вечность тени... Замышляющие образ свой в судьбе... Рисующие светлые мгновенья... Хотя бы для того, чтобы уйти...

От осмысленья этой странной жизни... Достаточно лишь

первый слог найти...

Как знак и символ одевающей нас выси... К которой
улетает смертный голос...

Как отражение, слепок, просто след... Теряющийся
в безднах тонкий волос...

Сон жизни превращающийся в бред...

XXX

*«Мир выскользнул из рук богов...»
Школа Эпикура*

Мир выскользнул из рук богов,
Значит, Боги были не всесильны
И мы кружась в течение странных снов,
Малюем хаоса безбрежные картины...

Герой всегда между добром и злом,
Как рождение из света, смерть из тьмы,
Весь мир приводится в движение колесом,
А мы поем Богам хвалебные псалмы...

Хотя из рук их унеслись давно в Свободу
И стали с яростью менять свою природу,
Взирать на мир через экран одним глазком,
Бросая мысли часто кувырком...

Лишь Красота, наивность томной страсти
Нас как зверей приводит к дикой власти,
Кровь с ростбифом и сладостное лоно, —
Вот, фокус необъятного закона...

Бутылка водки, пива, шоколад

Ведут по кругу жаждущих ребят,
А вспомни, на доске кусочком мела
Был нарисован очень просто шар земной,
Такое же одно живое тело
По кругу движется, закрыт вход в мир иной...

И даже если космонавтом полетишь,
То врежешься в таинственную тишь,
Что делать с миром, – он почувствовал себя,
И в нем кипит безумная борьба...

У всех рождается громадный аппетит
И всякий смертный страшным голодом раскрыт...
Духовность обличает жизни власть,
Рождаемость упала, где же страсть?!...

Вместо любви какой-то суррогат,
Мужчин и женщин тешит сладкий аромат,
И куча ядовитых контрацепций
Мир умерщвляет просто без последствий...

Так с верой в Бога оторвавшись, спешит вдаль
Моя несчастная небесная печаль...
И только ты прекрасно и так ярко
Мне светишь вместо лучшего подарка...

XXXI

Чем больше ума, тем меньше надежды на счастье,
Но в нежной Любви тьма неизведанной страсти...
Бушует море и мы вдвоем под скалою
Друг друга слезами и звездным светом омоем...

Прибрежный песок поглощает и волны, и страсти,
Но чем больше ума, тем меньше надежды на счастье...
Мы любим друг друга, не объясняя причины
И просто рисуем безумье рассветной картины...

А что случится потом, нам с тобой неизвестно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.